

Первая их встреча запечатлелась в памяти отчетливо. Это произошло летом на первом курсе.

Тот сезон выдался немилосердно жарким: цикады звенели с рассвета до заката, а внутренние дворы Университета Б утопали в тюльпанах. Воздух был пропитан сладким, густым ароматом, особенно возле розового цветника за зданием Архитектурного института.

Именно там Чу Тань и столкнулся с Цзинь Цзяньсином. В тот день у всех шли лекции, и лишь их группе назначили пленэр. Недолго думая, Чу Тань отправился с этюдником к Архитектурному институту.

Он успел написать лишь половину пейзажа, когда из глубины сада донеслись глухие удары и отчаянные мольбы о пощаде. Мужской вопль сорвался на сиплый хрип, перебиваемый визгом испуганной девушки.

Насторожившись, Чу Тань быстрым шагом пошел на звук и на самом краю розового моря замер, пораженный увиденным.

Картина открылась жуткая. Земля буквально окропилась кровью — алые лепестки казались сошедшими с мрачной картины, написанной тушью. На траве валялся окровавленный нож, а чуть отдаль, уткнувшись лицом в цветы и зажав уши, сжалась в комок девушка. Она не смотрела, но вся дрожала от ужаса.

Чу Тань оцепенел на мгновение, пока в поле его зрения не появился высокий, широкоплечий парень.

Во что тот был одет, Чу Тань не запомнил. Стерлись из памяти и детали того, как этот парень легко, словно пушинку, кургузо вскинул в воздух стокилограммового верзилу, как без устали обрушивал на него сокрушительные кулаки.

Запомнился лишь момент, когда Цзинь Цзяньсин, почувствовав чужое присутствие, медленно обернулся. Запомнились его четко очерченные, чувственные губы... капля крови на подбородке...

И эта дерзкая, жестокая, глумливая ухмылка.

Она въелась в память Чу Таня алой меткой, запечатлевшись там навсегда...

И вот — вторая встреча!

Едва Цзинь Цзяньсин шагнул к нему, сжимая кольцо, Чу Тань почувствовал, как внутри все

натянулось струной. Он бесшумно сжал кулаки и постарался держаться к нему спиной.

Не дышать одним с ним воздухом. Не смотреть на эти манящие губы. Не думать о том, что означали его слова: «Хочу и трогаю».

Пока его не прижали к самому углу.

Пока капюшон не соскользнул с головы...

Цзинь Цзяньсин и сам ощущал, что теряет контроль. Руки буквально чесались. Чем дольше он смотрел на точеную спину Чу Таня, тем сильнее хотелось подойти ближе, а подобравшись — заглянуть тому в лицо.

Словно в груди заскребся какой-то мягкий, пушистый зверек: хочется поймать, а не дается; а чем сильнее ускользает, тем азартнее погоня!

И когда Чу Тань оказался зажат в углу, а капюшон очутился на расстоянии вытянутой руки, Цзинь Цзяньсин, не раздумывая, протянул ладонь.

Пальцы коснулись плотной ткани, точно срывая покров с таинственной загадки.

Сдернув капюшон, Цзинь Цзяньсин так и застыл на месте.

В щель неплотно закрытого окна ворвался сквозняк, растрепав смоляные пряди юноши. Шелковистые волосы взвились мягкой волной, и в то же мгновение комнату наполнил едва уловимый, сладковатый аромат.

Юноша медленно поднял голову. Густые ресницы вздрогнули, выражая глубочайшее изумление.

Его глаза — темные, с едва заметным вишневым отливом — повернулись к обидчику. В них плескался влажный блеск. Аккуратный, чуть вздернутый кончик носа, до этого скрытый в тени капюшона, теперь предстал во всей красоте.

А губы... Они были невероятно ало-влажными, причем на нижней отчетливо виднелся свежий, чуть припухший след от собственных зубов. От неожиданности рот юноши слегка приоткрылся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

Белоснежная кожа, изящная линия шеи и алая родинка на мочке левого уха.

Ослепительная белизна и пылающий алый слились в совершенном согласии.

Цзинь Цзяньсин просто опешил.

Мало кому удавалось рассмотреть Чу Таня так близко. Даже на форуме Университета Б все его снимки были сделаны исподтишка: то в капюшон спрячется, то в надвинутую на глаза кепку. Для голосования за титул «Красавицы школы» и вовсе использовали стандартное фото из студенческого билета.

Все знали, что он хорош собой, но насколько — не представлял никто. И вот теперь Цзинь Цзяньсин получил вполне отчетливое представление...

Впрочем, не только он. Вся комната 303 в третьем подъезде корпуса А южного района получила это представление.

А вслед за ними — и весь корпус...

Раздался оглушительный грохот. В коридор с шумом вылетели вещи, а следом из 303-й комнаты выскочили две вопящие тени.

Один рыдал, взывая к матушке, в чем мать родила; второй орал про отца, стоя с абсолютно ошалевшим видом.

А вслед за ними вылетел огромный пятидесятидюймовый черный чемодан, словно гнался за ними с намерением прикончить...

— Чу Тань!

Чемодан, разумеется, принадлежал Цзинь Цзяньсину. Тот все еще пребывал в ступоре, пока его багаж не совершил бреющий полёт через порог.

— Ты совсем с катушек съехал?! На кой черт так орать? Я всего лишь капюшон сдернул, а ты будто решил, что я с тебя скальп спустил!

— А кто первый уселся на мою кровать? Спальных мест справа два, но тебе обязательно надо было влезть именно сюда!

Цзинь Цзяньсин ума приложить не мог: зачем скрывать такое красивое лицо под капюшоном? Какая глупая расточительность! Но неужели стоит так беситься?

Впрочем, пораскинув мозгами, он вынужден был признать: сам виноват, нечего было распускать руки.

Вот человек и вспылел, да так, что вышвырнул его чемодан на площадку.

Хотя Чу Тань и сам хорош — вечно от него ныкается, да еще и занял его место...

— Ладно, виноват, «Одна косая черта», — хмыкнул Цзинь Цзяньсин. — Я же не знал, что тебя так зовут.

Чу Тань отошел подальше и снова накинул капюшон. Ослепительный образ мгновенно скрылся, уступив место привычной загадочности.

Он смерил обидчика ледяным взглядом, затем перевел взор на опустевшую кровать и чеканно произнес:

— Я и не знал, что у нас тут проживает «Одна косая черта», чьи вещи занимают всю койку.

«Одна косая черта» Цзинь Цзяньсин дар речи потерял.

Эта язвительная реплика про «Одну косую черту» одновременно оправдывала ошибку с кроватью и выставляла Цзинь Цзяньсина беспардонным хамом, занявшим чужую постель без внятных обозначений.

— Раз эта койка принадлежит «Одной косой черте», я перейду на другую, — сдерживая раздражение, Чу Тань подхватил аккуратно сложенное одеяло и направился к соседней кровати.

Осознав, что вышло недоразумение, Цзинь Цзяньсин внезапно не стал спорить. Вместо этого он с некоторой настороженностью начал наблюдать за Чу Танем, снова отсевшим на безопасное расстояние.

Хоть тот и спрятался под тканью, по его напряженной спине было видно: парень в ярости.

Пусть голосу Чу Таня уже вернулась привычная надменная прохлада, но раз уж этот неприступный заиндевший цветок дошел до того, что выкинул чужой чемодан за дверь, значит, задела его всерьез.

Вот только Чу Тань чувствовал не столько гнев, сколько мучительную, невыносимую жажду!

Да, именно жажду!

В тот миг, когда Цзинь Цзяньсин сдернул капюшон и их взгляды пересеклись, перед глазами Чу Таня во всех подробностях предстали его губы: их форма, сочная припухлость, цвет, изгиб

каждой складочки...

Эффект оказался оглушительным!

Еще бы немного... еще чуть-чуть ближе, и он бы не сдержался. Ему хотелось большего... намного большего!

Поэтому сейчас он просто не мог продолжать перепалку. Единственным желанием было поскорее убрать вещи и выскочить из комнаты.

Еще минута здесь — и он потеряет контроль!

Но судьба распорядилась иначе. Стоило Чу Таню сделать шаг к соседней койке, как Цзинь Цзяньсин опередил его: скинул куртку и швырнул ее прямо на матрас.

Оставшись в одной белоснежной футболке, плотно обтягивающей литые мышцы груди и плеч, он непринужденно прислонился к каркасу кровати. Чу Тань дернулся в сторону, но от спешки и тяжести одеяла потерял равновесие и пошатнулся.

И тут же попал в горячие, сильные объятия.

Цзинь Цзяньсин сгреб его вместе с пухлым одеялом. Ощущение чужого тепла и мягкости ткани мгновенно накрыло Чу Таня с головой.

Разряд тока! Чу Тань чуть не роняет одеяло.

— Не трогай меня! — вырвалось у него.

Цзинь Цзяньсин тут же вскинул ладони и отступил на полметра:

— Да не трогаю я тебя! Просто придержал, чтоб не грохнулся.

— Ладно, не перетаскивай вещи. Я передумал, буду спать здесь, — Цзинь Цзяньсин размял плечи и указал на койку у стены.

От прежнего упрямства не осталось и следа. Он уступил так легко, что это казалось даже подозрительным.

— Слушай, красавец Чу, чего ты так дергаешься? — уставился на него Цзинь Цзяньсин. — Мы ж мужики! Подумаешь, обнял слегка. Ты же не гей какой-нибудь.

Чу Тань, который как раз и был геем, промолчал.

В Университете Б о его ориентации знал только Сун Синь. Зато о гомофобии Цзинь Цзяньсина знали абсолютно все.

Заметив, что Чу Тань снова замкнулся и отвернулся, Цзинь Цзяньсин любопытно подался вперед. Чу Тань замер в той же позе, словно статуя.

Что с ним такое?

— Ты чего? Я что, больно тебя ушиб? — нахмурился Цзинь Цзяньсин. Он ведь даже силы не прикладывал.

Он сделал шаг, намереваясь разглядеть лицо юноши.

— Нет... — дрожащим голосом отозвался Чу Тань.

— Нет? А чего тогда застыл?

—... Слишком твердо, — Чу Тань стоял спиной к нему, едва не прокусывая губу до крови. — У тебя слишком твердые мышцы на груди...

Он все-таки не сдержался. Наваждение, вызванное оральной фиксацией, было настолько сильным, что руки, сжимавшие одеяло, мелко подрагивали. Пальцы глубоко увязали в мягком напернике, но даже это не могло стереть из памяти ощущение от чужих грудных мышц.

Выдержка Чу Таня рухнула в тот самый миг, когда Цзинь Цзяньсин обнял его.

Но выдать себя было нельзя. Пришлось сморозить первую попавшуюся глупость, лишь бы перевести тему.

— Твердо? — Цзинь Цзяньсин озадаченно потрогал собственную грудь. Да вроде нормально... Неужели и впрямь ушиб?

В голове Цзинь Цзяньсина всплыла недавняя шуточка сокомандников: «Брат Цзинь заявлял, что заедит Чу Таня до полусмерти...»

Парень от одного прикосновения к грудным мышцам уже чуть не рассыпался! Да если его тронуть всерьез, он же просто сломается!

Усмехнувшись про себя, Цзинь Цзяньсин отогнал дурацкие мысли. Что за гейская дрянь лезет в голову? Настоящий натурал о таком даже думать не станет!

— Да нормально всё, — буркнул он и добавил: — У меня на бедрах мышцы еще тверже. Хочешь потрогать?

Чу Тань от такой реплики потерял дар речи.

Он-то ляпнул про грудь наугад, чтобы отвлечь внимание и не допустить Цзинь Цзяньсина к себе, а тот мало того что принял все за чистую монету, так еще и выдвинул новое «предложение»!

Все натуралы такие беспардонные? Кто вообще предлагает потрогать себя за бедро?!

Они же только что цапались из-за кровати! Как разговор вообще съехал на подобную интимность?

Чу Тань отказывался понимать логику этого дремучего натурала. Ему хотелось одного: чтобы Цзинь Цзяньсин провалился сквозь землю. Или чтобы он сам испарился из этой комнаты.

Он уже собирался отрешисто ответить, что в этом нет нужды, но Цзинь Цзяньсин смотрел на него так напористо, будто без этого «теста» они отсюда не уйдут.

Чу Тань онемел.

Цзинь Цзяньсин, конечно, ляпнул про мышцы просто так, уверенный, что Чу Тань ни за что не согласится.

Ему просто хотелось, чтобы тот повернулся, снял этот проклятый капюшон и перестал прятать глаза.

Что за тайны у этого парня? Даже живя под одной крышей, он умудряется не смотреть в лицо!

Выждав пару секунд и не дождавшись ответа, Цзинь Цзяньсин уже собрался плюнуть и отвернуться, как вдруг Чу Тань действительно развернулся.

Даже под тенью капюшона его лицо поражало своей изысканной красотой, сочетавшей утонченность и мужскую выразительность.

Он медленно сделал шаг вперед и впервые взглянул Цзинь Цзяньсину прямо в глаза.

От этого взгляда у Цзинь Цзяньсина почему-то перехватило дыхание.

Затаив дыхание, он наблюдал, как ледяной красавец приближается к нему. Сердце против воли сделало неровный толчок.

Чу Тань медленно поднял руку. Цзинь Цзяньсин замер, чувствуя, как мышцы на бедрах невольно напряглись от непонятного зуда.

Однако Чу Тань лишь слегка приподнялся на цыпочки.

И под опешившим взглядом Цзинь Цзяньсина... мягко погладил его по голове.

<http://bllate.org/book/20661/2106133>